

Хотя он так говорил, рука его тем временем незаметно обвила шею Цинь Бучжоу. Густые и длинные ресницы непрерывно трепетали, а влажное, теплое и мягкое дыхание касалось кожи на шее Цинь Бучжоу, вызывая легкий, щекотный зуд, от которого тот слегка повернул голову.

Ему показалось, что в самом уголке сердца кто-то легко-легко царапнул лапкой маленького зверя.

Прижимая к груди тихого и смирного юного императора, Цинь Бучжоу прошел по извилистым коридорам. Тяжелый плащ защищал от кружащего мелкого снега, а когда они миновали парковую дорожку, от них повеяло ароматом сливы.

Придворные служанки и евнухи, попадавшие по дороге, лупились в пол, соблюдая строжайшее почтение. Когда же они вошли в теплую опочивальню, прислуживавшие императору слуги поспешили поприветствовать Цинь Бучжоу. Тот велел им приготовить горячей воды, а сам бережно опустил юношу на драконье ложе.

Внезапная осторожность Цинь Бучжоу была не лишена оснований. Когда Се Хэн был прикован к постели, он тоже носил его на руках, но хотя Се Хэн и отличался слабостью и худобой, у него были все положенные мышцы и плотное телосложение. Когда же в его объятиях оказался Сяо Лосюй, Цинь Бучжоу почувствовал, что тело Сяо Лосюя невероятно мягкое, хрупкое и легкое. Ему даже стало немного страшно: вдруг он случайно оступится и уронит его, а будущий великий правитель возрождения Да Юэ погибнет посреди пути?

Неужели этот человек толком не ел? Прежний владелец тела тоже хорош: мало того, что держал его как марионетку, так еще и нормально не кормил. Жирный минус! — на душе у Цинь Бучжоу поднялось некоторое недовольство.

Сяо Лосюй слегка нахмурился от такого обращения, словно с хрупким фарфором, но у него уже не оставалось сил что-либо говорить. Тяжелая усталость полностью сковала его, в дыхании Сяо Лосюя вилась струйка горячего пара, а сознание то прояснялось, то снова погружалось во тьму. Разум подсказывал ему, что сейчас следовало бы прогнать Цинь Бучжоу, но тело уже приняло решение за него.

Глядя на руку юноши, вцепившуюся в его рукав, Цинь Бучжоу беспомощно согнулся в пояснице и постарался заговорить тоном, каким успокаивают детей:

— Послушай, я пока подожду тебя снаружи, а им позволю тебя искупать, хорошо? Иначе тебе станет еще хуже.

Незадолго до прихода Цинь Бучжоу Сяо Лосюй потерял равновесие и упал в снег, так что теперь весь пропитался талой водой. Если он не примет горячую ванну, то, боясь, его болезнь только усугубится. Сяо Лосюй молчал, не издавал ни звука, и даже пальцы, вцепившиеся в рукав Цинь Бучжоу, ослабли настолько, что их можно было легко высвободить одним движением. Но несмотря на это, он не отпускал ткань, из-за чего Цинь Бучжоу почувствовал себя совершенно беспомощным. Он всегда не знал, что делать с такими послушными детьми. Будь перед ним капризный сорванец, он бы просто задал ему трепку и выставил за дверь, да и

к милым детям, пытающимся выпросить желаемое, у него был стойкий иммунитет. Но Сяо Лосюй — он не плакал, не шумел и не устраивал сцен, лишь смотрел на него приоткрытыми глазами в форме персиковых лепестков, подернутыми влажным блеском... Ну это же... это просто нечестно.

...Ладно, пускай. В конце концов, раз уж ему не впервой работать нянькой, одной больше, одной меньше — неважно.

Цинь Бучжоу приложил ладонь ко лбу. Подумать только, каким грубым человеком он был раньше, и как его вынудили превратиться в заботливого папашу. Остается лишь надеяться, что в следующем мире главный герой пощадит его нервы.

Поставьте ванну там, можете быть свободны, — бросил Цинь Бучжоу слугам, находившимся за ширмой. Когда все слуги покинули опочивальню, Цинь Бучжоу принялся неспешно раздевать маленького императора. Сначала — парадное облачение, затем — стеганный халат, потом — нательное белье...

Когда он распахнул нижнюю рубашку Сяо Лосюя, взору Цинь Бучжоу предстали покрывающие талию и грудь юноши следы от пальцев и синяки, от которых сердце пронзила острая боль.

На плече Сяо Лосюя зиял глубокий укус, доходящий почти до крови, а местами на его талии отметины уже потемнели, став сине-фиолетовыми. На бледной, гладкой коже эти раны выглядели пугающе.

Цинь Бучжоу поджал губы. Он ведь знал, что, решив собственноручно искупать его, не сможет избежать этого зрелища. Он приподнял Сяо Лосюя, позволяя верхней части его тела опереться на свою грудь, и медленно стянул с юноши штаны. Верхняя половина тела по сравнению с нижней и вовсе не стоила упоминания. Округлые, полные ягодички Сяо Лосюя были покрыты синяками, а внутренняя сторона бедер подверглась безжалостному истязанию. Само же сокровенное место покраснело, распухло и было сильно разорвано, кое-где покрывшись свежими корочками запекшейся крови — по ним все еще можно было понять, какому жестокому насилию он подвергся.

Он помнил... Се Хэн тогда переродился благодаря изменению тела духовной энергией, поэтому его раны выглядели гораздо легче, а жар спал очень быстро. Но в этом мире не было духовной энергии, к тому же в тот момент он совершенно не заботился о выживании маленького императора, и хрупкое тело юноши, естественно, не могло вынести подобного.

— Разве они не мазали тебе хотя бы какие-нибудь мази... — пробормотал Цинь Бучжоу, перенеся Сяо Лосюя к деревянной бадье за ширмой, укутал его нижнюю половину тела тканью и осторожно опустил юношу в воду.

На самом деле он и сам понимал, что упрямый характер Сяо Лосюя никому бы не позволил сделать подобное.

Прикосновение горячей воды заставило Сяо Лосюя, чье тело было покрыто ранами, слегка нахмуриться, но он не стал сопротивляться, лишь судорожно вцепился в рукав Цинь Бучжоу так, что кончики его пальцев побелели.

Закончив купать Сяо Лосюя, вытерев капли воды с его кожи, Цинь Бучжоу помог ему одеться, нанес лекарство и тщательно пододеяльник. Посидев какое-то время на краю кровати и глядя на бледное лицо юноши, он бесшумно удалился. После ухода Цинь Бучжоу Сяо Лосюй, лежавший на императорском ложе, медленно открыл глаза. В его глубоких зрачках бурлили ненависть к самому себе и растерянность.

То, что произошло в тот день, казалось, не изменило отношений между ними. Цинь Бучжоу по-прежнему оставался его Генералом-регентом, а Сяо Лосюй — холодным и скрытным правителем, который притворялся слабым перед лицом врага. Лишь немногие знали, что с того дня Цинь Бучжоу позволил Сяо Лосюю участвовать в рассмотрении докладов.

Раньше император мог лишь просматривать предложения, не имея права выносить решения киноварью. Независимо от того, была ли это сиюминутная прихоть Цинь Бучжоу или проверка, Сяо Лосюй не собирался упускать эту возможность.

Цинь Бучжоу искоса наблюдал за Сяо Лосюем, который с предельной серьезностью держал кисть. Удары судьбы, пережитые в императорском дворце, заставили юношу быстро повзрослеть: его плечи, хоть и оставались худыми, уже могли выдержать груз великой ответственности.

К удивлению всех, Цинь Бучжоу действительно стал инициатором сбора пожертвований в размере ста тысяч лянов серебра. Более того, он делал это не от собственного имени, а от лица императорского двора. Сяо Лосюй отправил для ликвидации последствий наводнения в Хучжоу главу Ведомства общественных работ, который казался нейтральной фигурой, но на деле был его доверенным лицом. Тот без колебаний рубил головы коррупционерам, и на этот раз последствия наводнения в Хучжоу были быстро устранены.

Когда глава Ведомства общественных работ покидал Хучжоу, его путь устилали «зонты десяти тысяч имен» — знаки народной признательности. В каждом доме установили таблички долголетия в честь нынешнего императора, почитая его как божество.

Хучжоу, расположенный в Цзяннани, был самым богатым из пяти регионов Да Юэ. Раньше он находился под полным контролем клики Цинь Бучжоу, а теперь превратился в личную казну императора.

Чиновники покрывали друг друга, и действия главы Ведомства, который рубил головы словно сорняки, едва не вырвав с корнем всю клику Цинь Бучжоу, вызвали мощную ответную реакцию. В тот день споры в зале приемов едва не снесли крышу дворца, но все закончилось лишь лукавой фразой Цинь Бучжоу: Старик Сюэ прав, по-моему, они действительно были никчемными людьми, так что их смерть — дело хорошее, очень хорошее.

— Прошу прощения за прямоту, генерал, но зачем вы... вскармливаете тигра? — Глубокой ночью в глубине поместья генерала, в тайной комнате, было полно людей. Здесь собрались ближайшие соратники Цинь Бучжоу, а место, где раньше сидел Чжу Шу, теперь занимал мужчина средних лет в одеянии советника.

Советник хмуро смотрел на мужчину во главе стола:

— Я не понимаю. Стоит генералу сказать одно слово, и мы без колебаний пойдем за вами хоть в огонь, хоть в воду. Власть над Поднебесной уже у вас в руках, но сейчас я перестал понимать ваши цели.

Вэй Чу, самый выдающийся стратег под началом Цинь Бучжоу. Один из немногих, кто искренне предан ему, в оригинальной истории был устранен Сяо Лосюем, когда тот сыграл на подозрительности Цинь Бучжоу, ставшего к закату лет самонадеянным и упрямым.

— М? Малыш Вэй, отличный вопрос, — Цинь Бучжоу подпер щеку рукой и, глядя на него, начал понемногу улыбаться. — А когда это я говорил... что собираюсь свергнуть императора?

Время текло незаметно, и вот уже пролетело полмесяца, наступил выходной. Сяо Лосюй, чье здоровье полностью восстановилось, упражнялся с мечом в саду.

Тонкие пальцы юноши крепко сжимали рукоять, каждое движение было пронизано острой жаждой убийства. Он взмахнул рукой, рукава взметнулись, и, когда он нанес рубящий удар, лепестки сливы, кружившиеся в воздухе, оказались рассечены надвое острой ци меча.

Раздался легкий смешок, и меч вылетел из рук, сбитый прилетевшей неизвестно откуда медной монетой.

— Красивые движения. Думаешь, этим можно усмирить Поднебесную?

Сяо Лосюй слегка запыхался и пропустил слова мимо ушей. Намокшие пряди волос прилипли к его изящному лицу, крошечные капли пота скатывались по шее.

Цинь Бучжоу усмехнулся, отправил в рот последний кусочек пирожного и отряхнул руки.

— Поднимай меч, я тебя научу. — Научу, как отправить врага на тот свет.

Во дворе дворца сверкнула холодная сталь.

Мечи столкнулись с яростным звоном, и порывы ветра, рожденные их схваткой, разлетелись в разные стороны. Волосы Цинь Бучжоу, небрежно собранные в хвост, взметнулись вверх, шелковая лента не выдержала и лопнула, рассыпав черные пряди по плечам.

Цинь Бучжоу, которому волосы залепили все лицо:

— ...ТЬфу-тьфу-тьфу.

Нужно признать: пусть Цинь Бучжоу и не знал пути истинного правителя и не понимал, как управлять страной, в воинском искусстве он был превосходным учителем. Его глаз был острый и точен, он мгновенно выявлял недостатки Сяо Лосюя.

— Тело слишком слабое, стойка неуверенная, приемы заученные и лишены гибкости, — Цинь Бучжоу пнул Сяо Лосюя по колену, и когда тот отвлекся, чтобы удержать равновесие, перехватил его запястье. Меч со звоном упал на землю, а Цинь Бучжоу притянул юношу к себе, потрепал его по волосам и довольно кивнул: — Хм, поправился.

Наконец-то он немного отъелся под моим присмотром... Откуда взялось это странное чувство гордости?

Сяо Лосюй, у которого от смущения горели щеки, молча посмотрел на Цинь Бучжоу, развернулся и ушел в покои переодеваться.

Цинь Бучжоу проводил его взглядом и неспешной походкой направился по тропинке прочь из дворца. За эти полмесяца он втайне позволил Сяо Лосюю воспользоваться случаем, чтобы переманить на свою сторону министров и подрубить ему собственные крылья, и маленький император ни разу его не разочаровал. Поддерживавшие царский род сановники считали его беззаконным злодеем, напроць лишённым человеческой морали, а его собственные люди думали, что он — преисполненный глубокого смысла святой отец, который использует собственную персону как точильный камень для воспитания монарха. И лишь сам Цинь Бучжоу знал... что всё это делалось ради того, чтобы обелить свою репутацию *(:з)△)*

Цинь Бучжоу присел на корточки у засыпанного тонким слоем снега вечнозеленого кустарника. Рядом с ним виднелись следы от ног, а прямо на земле валялся женский ароматический мешочек с вышитыми пионами и павлиньими перьями, выглядевший невероятно изысканно.

По первоначальному сюжету героиня постоянно приходила сюда тайком наблюдать, как главный герой упражняется с мечом, а этот мешочек главный герой подобрал, потому что внутри него лежало маленькое стеклянное цзянь, привезенное героиней из современного мира. Подобная технология прозрачного цветного стекла полностью превосходила всё существующее ныне, из-за чего главный герой и обратил внимание на героиню.

И это маленькое цзянь в итоге стало залогом вечной любви между мужчиной и женщиной.

Цинь Бучжоу похлопал ресницами, с силой смял и разломал маленькое цзянь, а затем подобрал ароматический мешочек и швырнул его в пруд Императорского сада, после чего с самым невинным видом направился обратно.

Сяо Лосюй переоделся в повседневную одежду и сидел на кушетке в спальных покоях, накрыв ноги плечом и пролистывая исторический трактат.

Вскоре Цинь Бучжоу вернулся с улицы. Ничуть не смущаясь, он скинул тяжелую накидку и присел прямо на краешек кушетки. Поразмыслив немного, он скосил глаза и произнес:

— Ты же помнишь, как пообещал мне выполнить одно моё желание в тот раз, когда отрубил голову моему человеку?

Началось.

Потребуется отдать под его контроль предстоящую весеннюю сессию экзаменов или решить вопрос с назначением префекта Цюаньфу?

...Впрочем, так даже лучше. Опущенные ресницы Сяо Лосюя едва заметно дрогнули, пальцы, сжимавшие страницы книги, сжались сильнее, и он поднял голову:

— Я держу своё слово.

Однако вместо этого Цинь Бучжоу сунул руку за пазуху, пошарил там и вытащил гребень.

— Расчеши мне волосы, — Цинь Бучжоу протянул ему гребень и, склонив голову набок, серьезно произнес.

Сяо Лосюй замер, широко раскрыв свои персиковые глаза, и уставился на Цинь Бучжоу.

— Чего? — заметив его ошеломленный вид, Цинь Бучжоу задорно вздернул бровь. — Лучший учитель Да Юэ учил тебя владеть мечом, неужели тебе в тягость разок послужить мне своими руками?

Сяо Лосюй поджал губы, покачал головой и тихо ответил:

— Я согласен.

Маленький император отложил книгу и взял гребень. Опустившись на колени прямо на кушетке, он протянул руку и развязал шнур-кисть, которым Цинь Бучжоу временно завязал волосы после того, как порвалась его прежняя лента. Копна иссиня-черных волос рассыпалась, чернильными волнами раскинувшись по всей кушетке.

Когда Сяо Лосюй придвинулся ближе, его точно такие же шелковистые длинные темные волосы переплелись с прядями Цинь Бучжоу, и в мягком полумраке комнаты стало непонятно, где чьи.

Сяо Лосюй опустил взгляд на гребень. Одной рукой он перебирал пряди волос Цинь Бучжоу, медленно расчесывая их от макушки до самых кончиков. Убедившись, что все волосы стали гладкими, он смазал их маслом с легким ароматом сливы, собрал в высокую мужскую

прическу, заплел и зафиксировал нефритовой короной.

В Да Юэ существовал один обычай.

Если женщина приносила с собой гребень и позволяла мужчине сделать ей прическу, это означало начало любовной связи.

Если же мужчина принимал его, это значило, что их сердца связаны на три жизни и он готов следовать за возлюбленной до седины.

Сяо Лосюй немного отпрянул назад и на мгновение замер, замороженный лицом Цинь Бучжоу.

Даже его холодное и отстраненное сердце в этот миг дрогнуло от нахлынувшей красоты. Словно сошедший со старинного свитка юноша с нефритовой короной на голове, в белой меховой накидке и черных одеждах, до этого казавшийся столь свободным и непринужденным, стоящим там лишь ради мимолетной романтики, казалось, превратился в ожившего персонажа с картины.

Ради такого возлюбленного — даже не будь у него несметных богатств и власти над целым двором, даже будь он простым простолюдином или сущим бедняком — наверняка отдали бы сердца бесчисленные девушки.

Заметив, что тот погрузился в какие-то мысли и ушел в себя, Цинь Бучжоу решил подразнить его. Сяо Лосюй был слишком юн, и та упрямая черта характера, которая доводила его до белого каления в Се Хэне и Сюэ Чжэнхуане, в Сяо Лосюе почему-то казалась ему избытком юношеского своеволия, из-за чего у него то и дело возникало непреодолимое желание поиздеваться над парнем.

— М? Ваше Величество так задумались, неужели... очарованы мной? — Цинь Бучжоу понизил голос, подался вперед и, упершись одной рукой в стену за спиной Сяо Лосюя, легко улыбнулся уголками губ.

Он был невероятно хорош собой, и каждый его взгляд, каждое движение напоминали рябь на водной глади — переливающуюся, ослепительную, затапливающую всё вокруг своей ослепительной роскошью. А поскольку Сяо Лосюй уже давно питал к нему тайные чувства, теперь ему казалось, что он целиком и полностью окутан аурой мужчины, отчего дыхание мгновенно участилось.

Сяо Лосюй нахмурился, зажмурился и вдруг резко выпрямил ногу, сбросив того с кушетки.

Цинь Бучжоу совершенно не ожидал подвоха, получил удар точно в цель и с маху шлепнулся на пол.

Цинь Бучжоу: «.....»

Юноша, ты вообще играешь не по сценарию!

Разве в этот момент он не должен был покраснеть личиком, прерывисто вздыхать, беспомощно отталкивать его и возмущенно выкрикивать что-то в духе: а ну пошел вон, Ваше Величество (?!)?!

Сяо Лосюй опустил голову, избегая полного обиды взгляда Цинь Бучжоу, и снова раскрыл книгу:

— У генерала Циня еще есть дела?

Цинь Бучжоу: «.....Ох. Руки у тебя что надо, смогу ли я в следующий раз снова попросить тебя причесать меня?»

Сяо Лосюй, сидевший в кресле наложницы, отсутствующим взглядом смотрел перед собой, вспоминая тот день, и едва не обжег пальцы чаем из чашки.

— Ваше Величество? — окликнул его советник.

— ...Поступайте так, как сказали.

Веки Сяо Лосюя опустились. Под тонкой завесой ресниц проступали переплетенные синевато-фиолетовые сосуды.

От чая поднимался густой туманный пар, и его пушистые ресницы слегка дрожали в мерцании влажной дымки. Снежинка упала на его ресницы, растаяла от тепла тела, превратившись в капельку ледяной воды, и заструилась прямо в глаз.

Цветы распустились совершенно внезапно. Глядя из императорского двора сквозь ограду наружу, можно было заметить, как далеко-далеко три-четыре бумажных змея покачиваются на тонких нитях, легкий ветерок развеял солнечный свет на пылинки, а дремавшие всю зиму старые деревья приветливо согнули ветви в улыбке. Облака, сменяя друг друга, унесли с собой пасмурность.

Хотя зима и замораживает всё живое, она же дарует жизнь весне. Весна Да Юэ уже приближалась.

Цинь Бучжоу опустил черный камень на доску, и сидевший напротив старец тут же сгреб его белыми камнями.

— Ах, как раздражает, — Цинь Бучжоу скривил губы, взял с соседнего блюда кусок пирожного из семян лотуса, откусил большой кусок и, жуя с набитым ртом, невнятно спросил: — Какого чёрта мы вообще сидим здесь и занимаемся такой скукотенью?

— Поднебесная — это шахматная доска. Ты можешь вести смертные бои на мечах и копьях, так почему же не можешь успокоить сердце и сыграть партию?

— Это совсем другое, знаешь ли. Для драки не нужно напрягать мозги, я одной рукой могу уложить двадцать таких, как ты! — заявил Цинь Бучжоу, страдавший неизлечимой ленью, давая понять, что он куда больше предпочитает крестики-нолики или «Парчис».

Сюэ Чжэнхуань: «.....»

Сюэ Чжэнхуань отпустил камни и поднял на него взгляд:

— А теперь ты можешь поделиться со мной своими мыслями?

То, что Сюэ Чжэнхуань принадлежал к партии чистых чиновников, вовсе не означало, что он ничего не смыслит в придворной жизни. Напротив, его богатый опыт позволял без труда разглядеть текущую расстановку сил.

Поднебесная — шахматная доска, со стороны виднее, и теперь в этой партии атака и защита поменялись местами.

Юный император по-прежнему терпел, но втайне уже начал шаг за шагом затягивать петлю, в то время как всегда властный Цинь Бучжоу незаметно отступал и уступал, собственноручно обрезая себе крылья и возвращая власть монарху.

Именно потому, что он насквозь видел эту партию, Сюэ Чжэнхуань, обычно терпеть не мохнатый дух Цинь Бучжоу, впервые в жизни сам пригласил того побеседовать в павильон Минцзин.

Павильон Минцзин был самым популярным среди ученых мужей чайным домом в Имперской столице. Там царила прекрасная обстановка, изысканная утварь, в воздухе витал аромат орхидей и раздавался журчащий плеск воды. Приближались весенние экзамены, и хотя до обеденного времени было еще далеко, в Минцзине уже сидело немало студентов, оживленно дискутировавших о высоких материях.

Сюэ Чжэнхуань и Цинь Бучжоу расположились за уединенным столиком на втором этаже, скрытым за водяной завесой — место было достаточно укромным, но при этом позволяло окинуть взглядом всё происходящее внизу.

— Возвысившийся неизбежно одинок, — Цинь Бучжоу прищурился, выглядя столь же ленивым, как греющийся на солнышке огромный кот.

— Пожалуй, мне вовсе не улыбается становиться одиноким правителем.

Сюэ Чжэнхуань на мгновение умолк. В тот момент, когда его сердце охватило смутное

беспокойство, шумный зал внизу вдруг вмиг затих. Он опустил чашку с чаем и бросил взгляд в сторону входа: туда, окруженный свитой телохранителей, неспешно шел человек в роскошных шелковых одеждах. Юноша был увенчан фиолетовой короной, его украшали нефритовые подвески и драгоценные камни, а от всего его облика исходило непревзойденное, высокомерное благородство и неукротимая величественность. Шагнув внутрь и принеся с собой холодный воздух, он заставил всех присутствующих одновременно умолкнуть.

Заметив обстановку в зале, он слегка нахмурил брови, а затем поднял взгляд на второй этаж, случайно встретившись глазами с Сюэ Чжэнхуанем.

Сюэ Чжэнхуань замер и уже собирался подняться, опираясь на край стола. Вошедший приложил указательный палец к губам и слегка покачал головой. Сюэ Чжэнхуань сразу всё понял и умолк.

Среди студентов в Минцзине было немало выходцев из знатных родов: сначала они озадаченно призадумались, но быстро во всем разобрались. Заметив, что сам Великий ученый Сюэ хранит молчание, они сообразили, что перед ними тайный визит, и те несколько человек, что обычно кичились своим происхождением и не желали лишний раз высовываться, вдруг заговорили с удвоенным энтузиазмом, сделав эту научную дискуссию еще более яркой и ожесточенной.

Великий ученый Сюэ был образцом для всех литераторов Поднебесной. Он поддерживал императорский дом, поэтому большинство студентов испытывали к правителю естественную привязанность и, напротив, недолюбливали Цинь Бучжоу — находились даже те, кто прямо называл его беспринципным негодяем с волчьими амбициями.

Слушая их, Сюэ Чжэнхуань невольно забавлялся, гадая, какое же умопомрачительное выражение лица было бы у этого юнца, узнай он, что тот самый злодей с волчьими амбициями восседает прямо над его головой.

Когда Сяо Лосюй неспешно поднялся по лестнице на второй этаж и вошел в отдельный кабинет, он увидел, что мужчина закинул голову вверх и моргает своими светлыми глазами, а уголки его губ испачканы белой рисовой пукрой. Сяо Лосюй легко вздохнул, достал из-за пазухи платок и аккуратно стер пятно, а Цинь Бучжоу покорно приподнял подбородок — оба они ни капли не находили в этом жесте чего-то странного.

Сюэ Чжэнхуань тоже не мог толком понять, что здесь не так, но при виде этого зрелища его брови невольно сошлись на переносице — эти двое держались слишком близко друг к другу.

Сюэ Чжэнхуань можно сказать вырос на его глазах, наблюдая за тем, как рос Сяо Лосюй. В прошлом молодой император хоть и оказывал тому безграничную милость, почитая генерала-регента учителем государя и позволяя въезжать на коне во дворец и являться на утренние доклады с мечом, но всё это было лишь временной мерой ради выживания. И лишь теперь их близость стала по-настоящему искренней.

И тем не менее, на счету Цинь Бучжоу было столько грехов, что не хватило бы и десяти голов.

Какими бы тайными причинами или скрытыми мотивами это ни оправдывалось, в тот день, когда Сяо Лосюй обретет достаточную власть, истинно достойный правитель никогда не позволит ему жить дальше.

С давних пор императорский дом славился своей бессердечностью, и Сяо Лосюй однажды непременно это поймет.

<http://bllate.org/book/21627/2231394>